

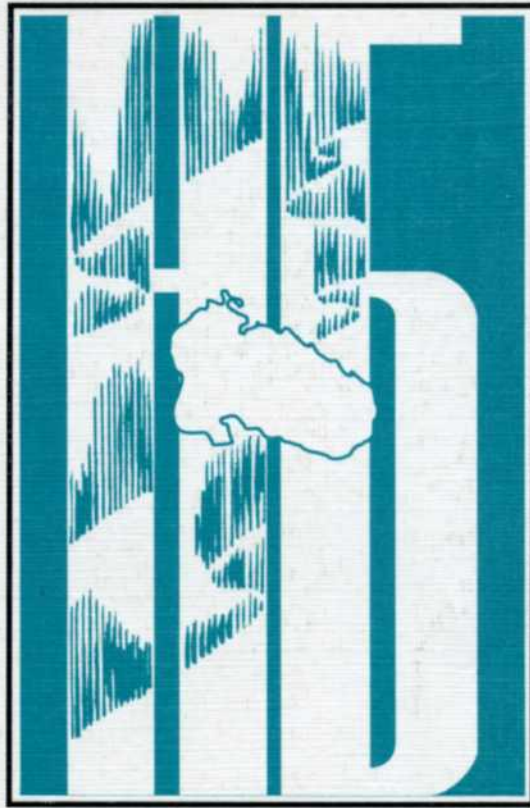
2 2006
АПРЕЛЬ

ISSN 1684-7466

НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

Д. М. Балашов:
историческая
память

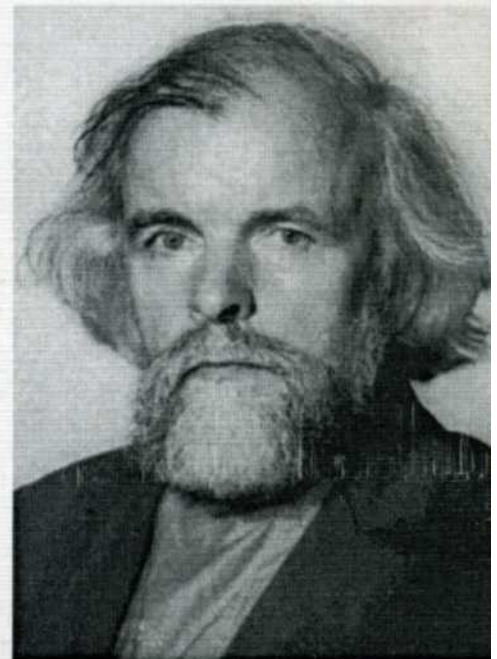

НАУКА

И

БИЗНЕС

НА МУРМАНЕ

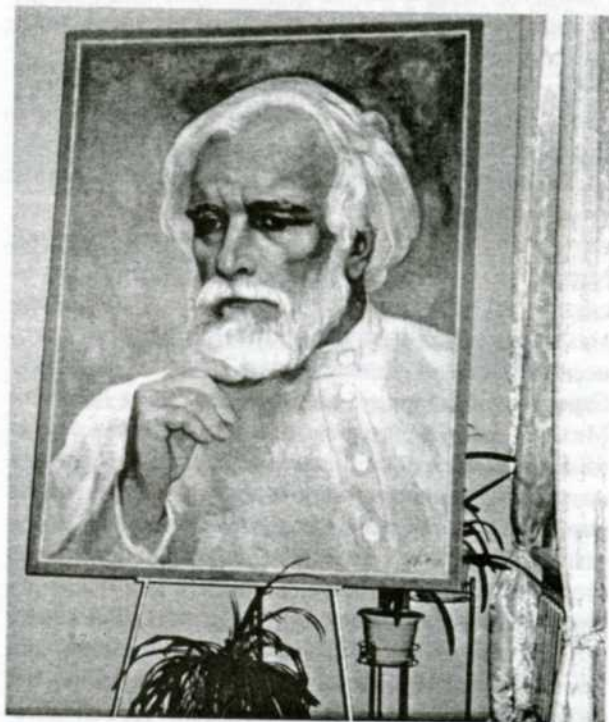
БАЛАШОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Н. П. Большакова

В 2005 году в Великом Новгороде прошли Пятые Всероссийские Балашовские чтения, своего рода — маленький юбилей. Приятно признаться, что мурманчане не пропустили ни одних, да еще стали инициаторами юношеских Балашовских чтений.

Первые Балашовские чтения, обозначенные темой «Дмитрий Балашов. Писатель, историк, фольклорист» проходили в большом зале филармонии. На сцене в почетном президиуме сидело более десятка новгородских писателей, а в зале едва ли насчитывалось человек тридцать. Сцену украшал прозрачный занавес, окрашенный светом софитов в розово-голубые пастельные тона, горели свечи. Чуть глубже висел портрет Дмитрия Михайловича, прекрасно выполненный художником филармонии. Белая косоворотка, снежно-белые волосы, усы, борода — светлый образ... На портрете Балашов то ли раздумывал над судьбой России, то ли вглядывался в лица выступающих... Именно этот портрет в дальнейшем и станет символом всех последующих чтений.

Нужно отдать должное устроителям Первых Балашовских чтений в Новгороде: доклады и выступления были разнообразными и содержательными. Гость из Москвы Александр Сегень, секретарь правления Со-

юза писателей России, выдвинул предложение учредить премию имени Дмитрия Балашова для писателей и историков.

Новгородский поэт Руслан Дериглазов начал свое выступление со стихов Балашова, написанных в 1961 году:

Мечь за все, за бессилье и жалобы,
И за мелочность в крупных делах.
Лысым мальчиком плакать да баловать,
А от жизни спастись в кустах.

И далее продолжал выступление словами: «Вот с какими ощущениями человек жил. По отношению к себе это совершенно безжалостное стихотворение. Как он говорит:

Лысым мальчиком плакать да баловать,
А от жизни спастись в кустах...

Вот она неудовлетворенность сильной большой личности. Ведь у него в принципе было все. Жизнь налаживалась... Выходили книги, защитил степень. У любого нормального человека это уже определившаяся судьба. Да если бы он просто занимался фольклористикой, он стал бы выдающимся фольклористом, быстро защитил докторскую, стал академиком, создал школу. Целая колоссальная судьба. А его это не устраивало, а ему этого было мало. Я думаю, что любовь и поэзия, тогда в 60-х, ему помогали с определением места в жизни, как бы компенсируя недостаточность в реализации себя. И он выбирает другую судьбу. Потому мы должны понимать, что стихи его конца 50-х начала 60-х годов и есть начало его литературного творчества».

Другой оратор — Кошелев Вячеслав Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого в своем обширном докладе о творчестве Дмитрия Михайловича затронул тему языка предков. Понравилось и выступление Владимира Ивановича Поветкина, говорившего, что, конечно же, Балашов в жизни не всем угождал, а тем более не был безгрешен, что не во всем ему хочется подражать, и все же надо помнить, что это все приложено к каждому, кого великая человеческая память выдвигает на лобное место почитания.

На Вторые Балашовские чтения под названием «Певец истории народной» устроителям хоть и удалось собрать людей побольше, но зато поубавилась активность новгородских писателей. С докладами выступили уже только трое, те же, что выступали на Первых: Вячеслав Кошелев, Станислав Десятков и поэт Руслан Дериглазов. Причем самое непонятное для меня было узнать, что мероприятия готовили не писатели (слава Богу, что кто-то на них хоть пришел), а представители Новгородской администрации, работники архива, библиотекари, Центр культуры «Музыкальные древности».

Было также непонятно, почему имя Балашова полностью игнорируется Новгородским областным ко-

митетом по образованию. Не люблю словосочетания региональный компонент, но где он? Где изучение школьниками и студентами истории края, творчества новгородских писателей? Имеется в Новгороде и училище искусств. Ведь, казалось бы, студенты — будущие филологи, историки, фольклористы — должны обогащать свои знания, слушая доклады не просто педагогов, а людей, лично знавших писателя. То же можно сказать и о новгородских педагогах, игнорирующих Балашовские чтения. Ведь помимо творчества Балашова на этих чтениях они знакомились бы с творчеством и новгородских литераторов, с творчеством писателей из Москвы и из других регионов страны, но...

И все же в дни Вторых Балашовских чтений были и достижения. Например, библиотеке на Оловянке в Новгороде присвоили имя Дмитрия Михайловича Балашова и открыли Балашовский центр исторического чтения, хозяйкой которого стала Татьяна Михайловна Лаврова.

Из Москвы приехал Анатолий Парпара, поэт, профессор Московского государственного университета культуры и искусств. В докладе «Для ведома впредь идущим родом» он говорил о том, что Балашов «... в своих писательских поисках оттолкнулся от времени Ивана III («Марфа Посадница») и сразу пришел к идее основательного изучения первых веков строительства могучего государства. Он показал историю русского народа — от простой крестьянской семьи до княжеских хоромов, описал время созревания России, той, о которой Карл Маркс писал: «Измученная Европа в начале царствования Ивана III едва ли подозревала о существовании Московии, стиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые надменные речи москвиты»...»

И если Первые и Вторые чтения прошли ровно, то на Третьих разразился скандал. Тема чтений 2003 года была определена так: «Д. М. Балашов — исследователь народной культуры». Но по мнению председателя новгородской писательской организации Виталия Ковалева разговор о народной культуре в творчестве Балашова слишком мелок для историка такого масштаба, как он. Лишь отметившись на конференции, Ковалев просидел все доклады в буфете, настраивая писателя и зам. главного редактора газеты «Завтра» из Москвы Николая Анисина против того, в каком ключе пройдут чтения. В итоге, когда Анисину предоставили слово, он вышел к трибуне и произнес обличающе гневную речь, говоря, что Балашов — это автомат Калашникова, а не потешная матрешка, в которую здесь его превратили. Убеждал собравшихся в том, что на чтениях такого уровня нельзя обсуждать сочинения школьников, даже если они и посвящены творчеству Балашова. А закончил тем, что произнес, что если бы Балашов сошел с портрета, он всем за эти чтения надавал бы пощечин. Думаю, Анисин вправе высказывать свое мнение, но не в такой оскорбительной форме. Председателю иностранной комиссии при Союзе

Н. П. Большакова, О. М. Бавыкин
и В. Е. Кузнецова
Третьи Балашовские чтения. 2003

В. В. Личутин и О. Н. Балашова
Третьи Балашовские чтения. 2003

писателей России Олегу Митрофановичу Бавыкину, вот уже несколько лет проводившему в Валдае Романовские чтения и пригласившему Анисина на Балашовские, пришлось извиняться перед всеми за грубость своего товарища.

Не отрицаю, что в организации первых трех Балашовских чтений были свои недочеты и недоработки. Не отрицаю, что организаторы переусердствовали, включив выступление ансамбля «Новгородская мозаика» в общий протокол наряду с серьезными докладами, а не выделили в отдельное мероприятие, что и вызвало впечатление некой самодеятельности в ходе конференции. От поведения участников тоже остался неприятный осадок. Некоторые, отчитав доклады, тут же покидали зал филармонии, что было неуважительно к остальным докладчикам и слушателям... Да, просчеты бывают в любом большом серьезном деле, их нужно просто учитывать на будущее, но не перечеркивать всю работу, как это сделал гость Балашовских чтений Николай Анисин.

Феномен писателя Балашова нельзя рассматривать только в одной плоскости, как писателя-историка, его деяния много шире. Об этом прекрасно сказал доктор филологических наук Александр Александрович Горелов, прибывший на чтения из Пушкинского дома РАН. Заслуга Балашова, по его мнению, состоит в том, что он принимал фольклор как глубинное явление для литератора. Он высоко поднял планку научной основы фольклора и проводил свои изыскания в этой области с научной целью, а не самодеятельности ради. Балашов был особенно внимателен к слову людей, которые еще помнили язык и манеру говорить, дошедшую от наших предков. Именно Балашов заложил первый кирпич в изучение фольклора и культуры народа на научной основе, разработки которой будут изданы в 30-томном собрании фольклорного свода. Народный язык исчезал из памяти людей, а Балашов эту память по крупницам возвращал к жизни и восстанавливал в своих научных исследованиях.

Пожалуй, самым запоминающим для меня стало на конференции выступление писателя Владимира Ли-

чутина, хотя у многих оно вызвало и неоднозначную реакцию, так как было посвящено мучительным исканиям творца, борьбе между плотью и духом. В интервью, уже после конференции, Владимир Владимирович мне говорил о том, каким остался в его памяти Балашов. Он совершенно не представлял его старым человеком: «Я его запомнил в трех ипостасях. Во-первых, это Лель. Сладкопевец. Лучезарный. Я не знал его черноволосым, познакомился с ним уже седым, и создавалось ощущение, что он был белокурый человек. Голубоглазый, сочный, розовощекий. И как будто аура вокруг него, облако, нимб светящийся. От него всегда исходил свет. Потому наверно, как я говорил на конференции, и получался такой резкий диссонанс между его телом, запелёнутым в странные, будто бы нарочитые одежды, и головою. То есть к его голове подходили бы одежды какого-то принца, хитоны, покрывала из парчи и золота. Голова Леля и эти голубые глаза, которые восторгали огонь. И было ему тогда лет сорок пять. Что-то из картин Константина Васильева — княжеское, благородное. Второе мое представление — монах. Особенно, когда он ходил в своей шапочке-скуфейке. Когда на нем был черный пиджак на вате, высокие сапоги, темные шаровары и ворот алой или белой рубахи, вот тогда он и походил на монаха-схимника с картин Васнецова. И третий — это образ древнего писца. Со временем у него стали слезиться и краснеть веки. Этот голубой взор, слезящиеся веки, истомленность щек... Похож на келейника писца, Пимена-летописца. Внешне он, как бы ни хотел, не походил ни на воина, ни на пахаря. В нем все равно оставалось много артистического, обворожительного. А вообще, Балашов человек борьбы, бесконечного действия, одним словом, пассионарий. Правительство боялось давать ему награды, так как тем самым должно было бы признать его огромное дарование, его талант и его правоту».

Подобные чтения хороши не только тем, что участники их познают что-то новое о жизни и творчестве человека, которому они посвящены, но и обогащают общение.

Евгений Малыгин, адвокат из Санкт-Петербурга, благодаря которому вышла книга докладов по Вторым Балашовским чтениям, после выступления Анисина рассказал присутствующим притчу о семи слепых, которым для изучения были даны части слона и которые в конце концов перессорились, отставая, у кого из них часть главнее. Также нельзя, говоря о творчестве Балашова, спорить, выискивая в нем что-то более важное: писатель или историк, фольклорист или ученый, поэт или философ, а может — художник или резчик по дереву? Если в человеке все это органично уживалось, дополняя одно другим, то и обо всем можно говорить на высоком уровне, не умаляя одного таланта перед другим.

Алексей Пшанский в статье «Без пьедесталов и трибун» писал: «...глубина исследований и творчества

Балашова не только позволяет, но и предполагает более серьезный и научный к ним подход. Однако с точки зрения научных конференций и чтений личность Балашова — учитывая тем более серьезность тематики его творчества и активную гражданскую позицию — выглядит несколько однобоко: большой писатель, горячий публицист, «ум, честь и совесть» и прочее в том же роде. А ведь он был еще и человеком — ярким, увлекающимся и, как всякий талант, разносторонним. Что в полнее подтверждает великое многообразие его интересов и умений и решительность, с которой он сам себе устраивал повороты судьбы...»

Чтобы избежать нежелательных споров, организаторы Четвертых Балашовских чтений решили взять тему «Д. М. Балашов — историк и литератор». Автор этих строк и Валентина Евгеньевна Кузнецова, директор Есенинского музея, были представителями от Мурманска на этих чтениях. Мы были настроены на серьезный разговор о личности писателя в литературном историческом жанре. Тем более, что и Ольга Николаевна Балашова (вдова писателя) по телефону сообщила, что их писательская организация собирается всем преподнести урок проведения подобных чтений, что приглашены многие известные московские писатели, что очень обнадеживало. Но по приезду в Новгород узнаем, что москвичей не будет, зато с докладом выступит доцент кафедры русской литературы Тверского государственного университета Александр Юрьевич Сорочан и новгородские писатели: Вячеслав Анатольевич Кошелев и Сергей Владимирович Иванов. Уже в день конференции из Санкт-Петербурга приехал Александр Иванович Субетто, академик, доктор философских и экономических наук, участвующий в этих заседаниях со Вторых чтений.

Чтения проходили в Центре Сороки при НовГУ им. Я. Мудрого.

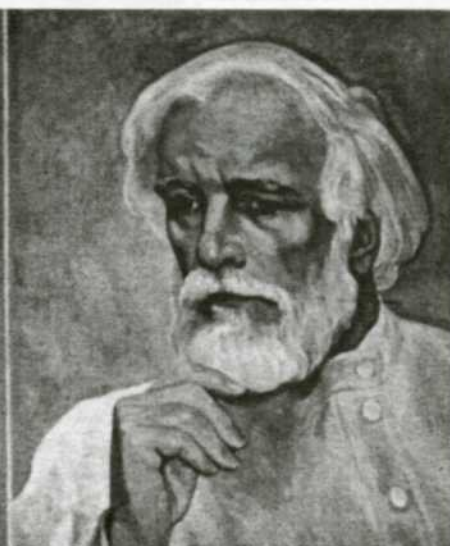
Первому слово для выступления было предоставлено доценту А. Ю. Сорочану. И хотя тема его доклада была «Господин Великий Новгород и традиции русской исторической прозы», он первым затронул в нем образ Марфы Посадницы, который затем станет стержневым на Четвертых чтениях. Цитирую: «Только поэтому и то не понимая его величия исторической личности, можно было воображать себе Марфу какой-то юной республиканкой, она была просто богатая, умная купчиха, защищала именно свое богатство от хищения Москвы. Посему, не обеляя Иоанна, историк позволил себе обрушиться на Борецких, отойти раз и навсегда от принятого карамзинского канона в русской историографии».

О чем бы дальше Сорочан не говорил, упоминая произведения других писателей о Новгороде, бунтарский дух Марфы Борецкой точно повис в воздухе. Ни один из выступавших далее не мог не коснуться этого образа. У В. А. Кошелева доклад полностью был посвящен этой героине и назывался «Д. М. Балашов и Марфа Борецкая». Профессор говорил о многих писателях, обращавшихся в своем творчестве к образу

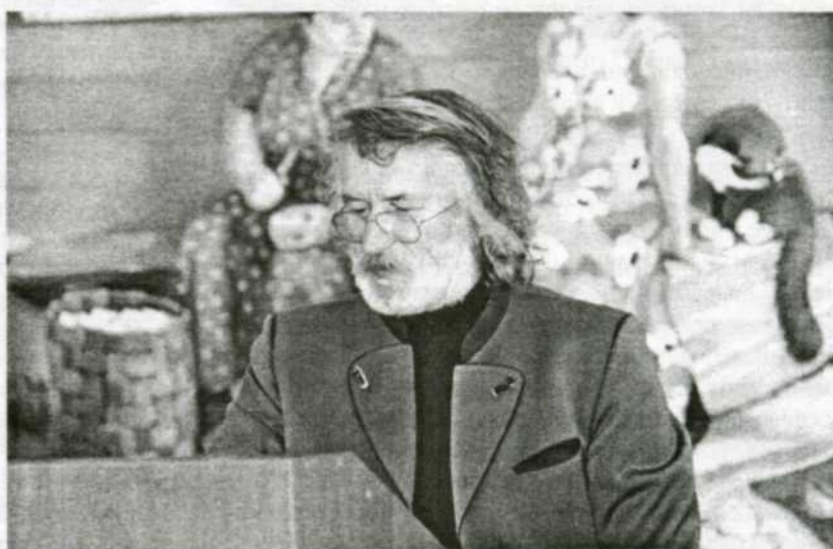
В. Е. Кузнецова
Четвертые Балашовские чтения. 2004

Выступление
В. А. Кошелева
на Четвертых
Балашовских чтениях.
2004

С. В. Иванов
Четвертые Балашовские чтения. 2004

Марфы Посадницы и когда дошел до поэмы Сергея Есенина, сказал: «Образ непокорной новгородской посадницы Есенин вывел как бунтарский дух русского народа, присущий ему изначально, его нравственную мощь».

В докладе поэта Сергея Иванова «История и истории» мятежная душа русского народа заговорила во всю мощь. Иванов свое выступление начал с вопроса: «Что бы мы могли услышать от Д. М. Балашова, что бы он в сей миг мог сказать, на что указал особо?».

И тут же за Балашова ответил: «... пользуйтесь предоставленной возможностью, говорите не столько обо мне, сколько о том, что считаете наиболее важным. Это и явится самым достойным способом подтвердить память о моих посильных и скромных трудах».

Образ Марфы Борецкой далее был освещен в докладе В. Е. Кузнецовой ««Марфа Посадница» Сергея Есенина и Дмитрия Балашова».

Если в своем романе Дмитрий Балашов рассматривает историческое развитие процесса, то в поэме Сергея Есенина стихи звучат, как призыв:

А и минуло теперь 400 лет,
Не пора ли нам, ребята, взяться за ум,
Выполнить святой Марфы завет:
Заглушить удалю московский шум?

Понравилось всем и очень эмоциональное выступление Александра Ивановича Субетто. С Третьих чтений мне только и запомнились его «кавычки открываются» да «кавычки закрываются», потому как уж слишком научным показался доклад академика, а на этих чтениях живая речь зазвучала. Одним словом, молодец! Правда, студенты, к которым прежде всего это живое слово было обращено, после перерыва с чтений ушли, что всех, конечно же, возмутило. И потому, когда, наконец, было предоставлено слово мне (хоть речь у меня шла не о Марфе, а о повести Балашова «Любовь» и «Славянском ходе» Шуртакова), прежде чем начать доклад, открыто высказала, что думала об участии новгородских писателей в чтениях, и поддержала доклад Сергея Иванова — взыграл и во мне бунтарский дух Марфы.

А вот финальную точку в Четвертых чтениях поставил не писатель и даже не деятель культуры, а простой строитель и фотограф из Санкт-Петербурга Рафаэль Фаридович Максутов, приехавший на чтения из простого интереса уже второй раз. Он-то и предложил к 80-летию Д. М. Балашова заказать знаменитому скульптору Клычкову памятник писателю.

И, наконец, Пятые юбилейные Балашовские чтения прошли гораздо шире, чем предыдущие, с посещением спектакля Омского государственного камерного театра «Dostoyevsky.ru» по мотивам «Записок из мертвого дома» Федора Михайловича Достоевского. Режиссёр Андро Енукидзе. Вообще-то Достоевский сложен и не каждому доступен, а уж чтобы поставить спектакль по его произведениям и сделать его интересным и понятным современной публике, необходи-

мо иметь великий талант и не менее великое мужество. Полтора часов спектакль в одном действии смотрелся на одном дыхании. Прекрасная актёрская игра, динамика, всё возрастающий темп действия, меняющиеся сюжетные картины, яркие костюмы, русские песни напоминали что-то лубочное, но при этом не менее трагедийное, что можно было выразить одной фразой героя романа «Братья Карамазовы» Зосимы: «Всё совершенно, всё, кроме человека». Потому представление держало зрителя в напряжении до самого трагического конца. Свою работу театр, посвятил «... всем, кто помнит, что в 2006 году Россия будет отмечать: 500-летие рода Достоевских, 185 лет со дня рождения писателя и 125-летие со дня его смерти».

Приехавшие из Москвы писатель Владимир Владимирович Личутин и Владимир Павлович Смирнов — профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века Литинститута им. М. Горького и открыли Пятые чтения.

А так как мы из Мурманска приехали на день раньше официального открытия чтений, то успели побывать и выступили в училище искусств, где студенты и педагоги подготовили интереснейшую программу по творчеству Дмитрия Михайловича: читали его стихи, поморские сказы, пели и даже на небольшом сценическом пространстве сумели показать танцы. И оглядываясь назад на Первые чтения, я искренне радовалась, наблюдая, как творчество Балашова в Новгороде наконец-то стало востребованным и школьниками, и студентами. Причём одинаково интересны для изучения работы Балашова, как по фольклористике, так и по публицистике, его исторические романы.

Тема Пятых чтений — «Многогранность творчества Д. М. Балашова». Помимо выступлений москвичей было сделано ещё 12 докладов. Например, доклад Александра Ивановича Субетто, вице-президента Петровской академии наук и искусств, назывался: «Д. М. Балашов: собрание русского человека и русской истории». Главная мысль: «Собрание русского человека есть собрание русской истории, а собрание русской истории есть собрание России, которое есть возврат ее к своим историческим основаниям, к своим, выстраданным историей, ценностям и к императивам, определяющим ее будущее в XXI веке». Александр Иванович говорил, что Дмитрий Михайлович это прекрасно понимал, так как всё его многоликое творчество в научной сфере, в области фольклористики, исторической литературе «... подчинено огромной всеобъемлющей идее — собиранию русского человека и русской истории».

Из Петрозаводска на Балашовских чтениях впервые участвовала Ольга Фёдоровна Никон, постоянный автор журнала «Север», с докладом «В своём Отечестве ищи пророков!...».

Прекрасно выступила с докладом «На земле мне близкой и любимой...» Валентина Евгеньевна Кузнецова. Стихи Есенина и Балашова в её исполнении звучали просто потрясающе. Валентина Евгеньевна

не стала делать сравнительный анализ поэзии двух великодушных мастеров слова, она просто определила точки соприкосновения, что роднили поэзию Сергея Есенина и Дмитрия Балашова, которые не только писали прекрасные стихи (хотя, по словам Кузнецовой, при желании в поэзии того и другого можно найти стихи и слабые), но ещё и «прожили судьбу своего народа и отразили её в своём творчестве и в жизни своих...» Для Валентины Евгеньевны стихи Есенина и Балашова — это «...лирический дневник. Открытость, распаханность души, исповедальность характерны для лирического дневника, как Есенина, так и Балашова.

Снежная замая дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна...

Это Сергей Есенин. А вот — Дмитрий Балашов:

Еще не написаны книжки,
И прошлого времени нет.
И снова я просто мальчишка,
Которому семьдесят лет...

И если доклад Кузнецовой был построен только на близости тем в поэзии Есенина и Балашова, то у нынешнего председателя правления Союза новгородских писателей Сергея Макарова в докладе «Лирика Дмитрия Балашова» прозвучал именно анализ стихов Балашова. Он говорил, что «Будучи в Греции, писатель не забывает её античную историю, причудливые двукоренные слова гекзаметров Гомера. И рождаются изысканные строки:

Дома тишь. Виноградные лозы
Оплетают узорный вход.
Дома мир. Белорунные козы,
Молоко и гимметский мёд.

Или:

Я тебя осторожно укрою
Драгоценной сидонской фатой.
Без меня уплывёт под Трою
Храбрецов шлемоблещущий рой.

Сразу вспоминается, что Гомер называл воинов «светлообутыми», когда читаем у Балашова о храбрецах «шлемоблещущих». Проникновение в стихию чужого языка всегда плодотворно, поучительно, полезно и для собственного творчества. Хочется отметить то, что и в своих эпических стихах Балашов остаётся тонким лириком, и его строки, обращённые к любимой, летят через века и эпохи:

Дома ты, навсегда дорогая,
Что когда-то я брал на бою,
А теперь без тебя не чаю
Всю остатнюю осень свою.

Прошу обратить внимание: не «в бою», а — «на бою», и какое вкусное, уместное русское слово «остатняя»!»

Как всегда с серьёзнейшим докладом «Зачем-то Балашову был нужен фольклор» выступил Владимир Иванович Поветкин, директор Центра культуры «Музыкальные древности». Через весь доклад Владимира Ивановича красной нитью проходят слова Балашова: «Именно фольклор (...) создаёт национальную основу страны».

Начиная со Вторых Балашовских чтений, приезжает в Новгород студентка Мурманского педуниверситета факультета культуры и искусств Марина Бакула. Но только на Пятых она осмелилась выступить с докладом, также как у Поветкина, посвященном фольклору в творчестве Балашова «Вклад Дмитрия Балашова в изучение художественной культуры Кольского полуострова».

С юношеских Балашовских чтений во Всероссийские пришёл с докладом «Прототипы новгородцев в романе Д. М. Балашова “Марфа Посадница”» и Валерий Колотушкин, студент исторического факультета НовГУ им. Я. Мудрого. Довольно серьёзные доклады были сделаны и кандидатами исторических наук университетов Новгородского им. Я. Мудрого — Ренатой Петровной Макейкиной — «Слово о России Д. М. Балашова» и Санкт-Петербургского христианского — Татьяной Кирилловной Никольской — «Новгород в произведениях Д. М. Балашова».

На следующий день новгородцы решили географию участников чтений расширить и предложили съездить в Старую Руссу, посетить дом-музей Ф. М. Достоевского, принять участие в митинге, посвященном творчеству большого русского писателя. Так Балашовские чтения и Ежегодный театральные фестивали имени Ф. М. Достоевского соединили для нас два века, два имени — Федора Михайловича и Дмитрия Михайловича.

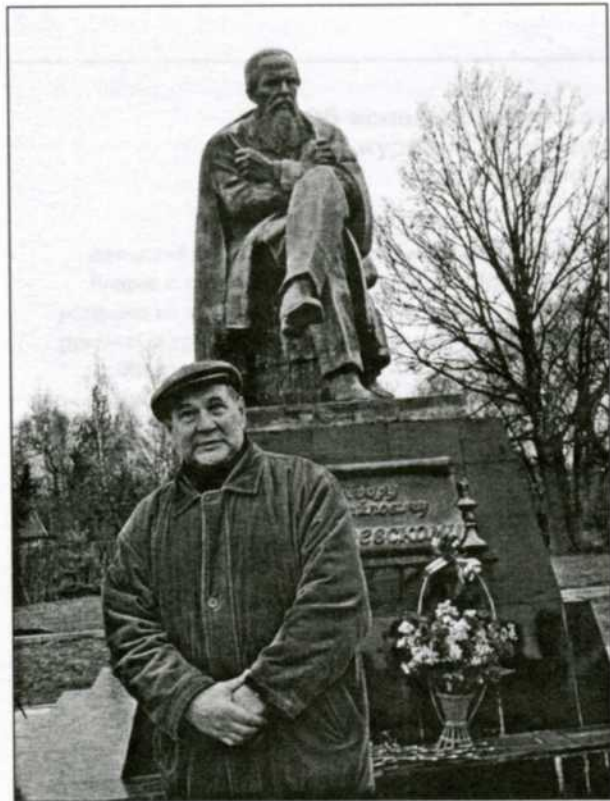
Вечером все желающие пришли в Центр культуры «Музыкальные древности» к Владимиру Ивановичу Поветкину, на котором услышали прекрасный доклад «Слова и напевы Русского Севера» Натальи Николаевны Поповой, сотрудницы Центра.

И еще примечателен один день, обозначенный юношескими Балашовскими чтениями, которые проходили в Балашовском Центре исторического чтения в Центральной городской библиотеке на Оловянке. Открыт он 1 сентября 2002 года. Основная задача Центра — работа по пропаганде исторической книги и чтения, прежде всего, на основе изучения творчества Дмитрия Михайловича Балашова. Центр также порадовал и своим изданием региональной программы «Чтобы свеча не угасла» и хрестоматии под этим же названием. Авторы — Н. А. Дойникова и Т. М. Лаврова. Программа и хрестоматия вышли в помощь учителям для изучения творчества Д. М. Балашова в 5—11-х классах образовательных школ, гимназий, лицеев. Это уже достижение!

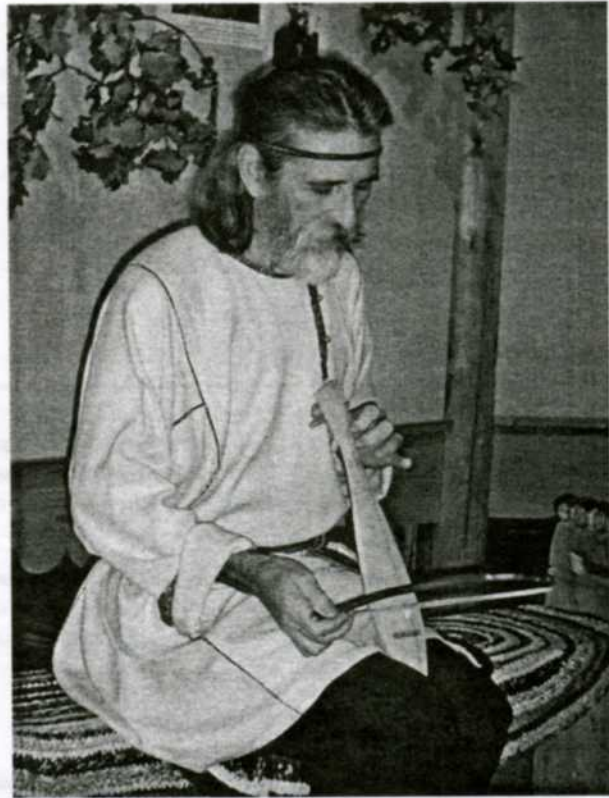
Честно сказать, на юношеских чтениях мы не ожидали увидеть и услышать столько докладчиков, ведь в марте 2002 года на школьной Балашовской конференции новгородские ребята не могли и двух фраз прочи-

А. И. Субетто. Балашовские чтения. 2005

В. П. Смирнов у памятника Ф. М. Достоевскому
Старая Русса. 2005

В. И. Поветкин
Центр культуры «Музыкальные древности»
В. Новгород. 2005

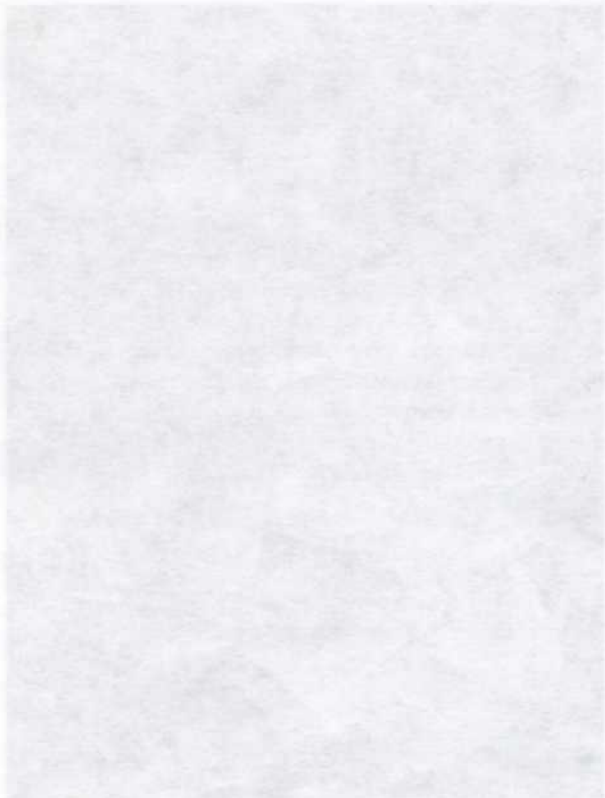
тать без запинки из книг Балашова и какой взлёт! Выступавшие практически наизусть читали доклады, и чувствовалось, что выбранные темы их греют, не навязаны педагогами, и нам оставалось только искренне радоваться за них. Молодцы!

А подводя итог пяти Балашовским чтениям, хочется отметить, что новгородцы совместными усилиями

и поддержкой литераторов Москвы, Мурманска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга смогли все же раскачать «вечевой колокол», звон от которого пошел далеко по округе, и вот уже девушки и юноши подхватили эстафету старших и понесли к себе в школы и училища, институты и университеты, о чём всегда мечтал Дмитрий Михайлович.

Спасибо всем участникам и организаторам чтениям, которые прошли в стенах Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Спасибо всем, кто помог сделать эти чтения такими интересными и полезными. Спасибо всем, кто поддержал и помог в организации этих чтений.

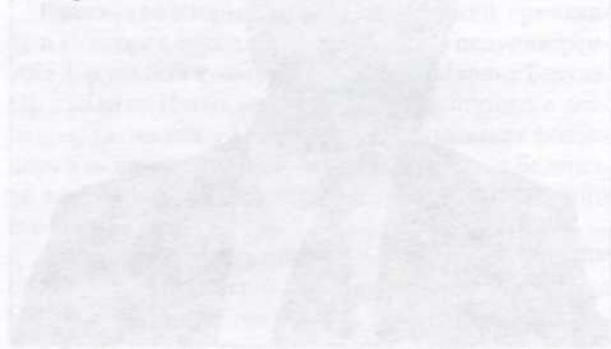
Спасибо всем участникам и организаторам чтениям, которые прошли в стенах Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

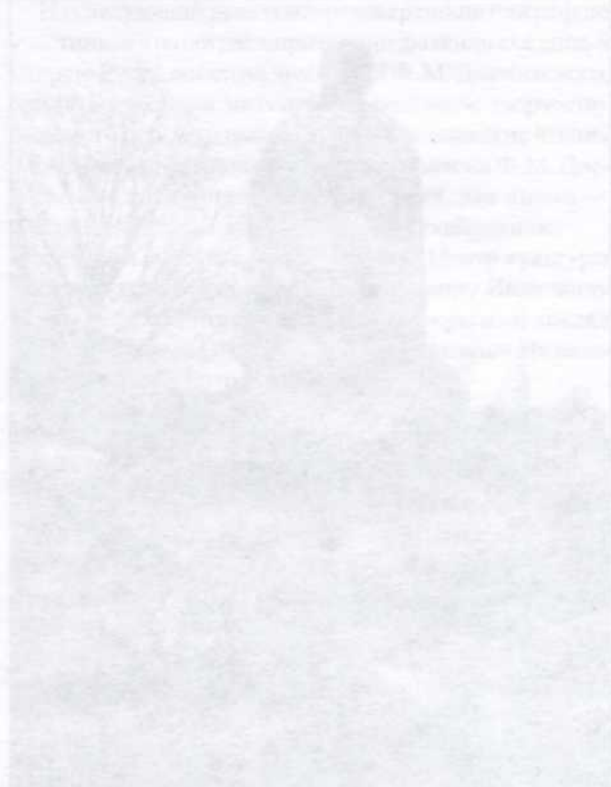
Спасибо всем участникам и организаторам чтениям, которые прошли в стенах Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Спасибо всем, кто помог сделать эти чтения такими интересными и полезными. Спасибо всем, кто поддержал и помог в организации этих чтений.

Спасибо всем участникам и организаторам чтениям, которые прошли в стенах Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Спасибо всем участникам и организаторам чтениям, которые прошли в стенах Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Спасибо всем участникам и организаторам чтениям, которые прошли в стенах Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Спасибо всем, кто помог сделать эти чтения такими интересными и полезными. Спасибо всем, кто поддержал и помог в организации этих чтений.

Спасибо всем участникам и организаторам чтениям, которые прошли в стенах Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.